

Линь спал как убитый, а едва проснулся — сразу услышал молитву Кристабель.

Она тоже исходила из сна.

Око Зазеркалья появился в зеркале-псише внутри сна и сначала бросил взгляд на Моисея, который стоял в стороне с опущенной головой. Линь отметил, что этот девятисотлетний русал всё ещё умел хорошо изображать смирение, и лишь после этого серьёзно прислушался к молитве Кристабель.

Пока он слушал, если бы Линь не умел так хорошо прятать свои эмоции, он, вероятно, уже дважды бы воскликнул: «А?»

«Я всего лишь поспал, как вообще столько всего успело произойти? И почему Моисей пошёл за Кристабель?»

Линь был сбит с толку, Линь ничего не понимал, и Линь решил сосредоточиться на происходящем.

— Хочешь вернуть страх? — тихо спросил Око Зазеркалья, и Кристабель услышала его. — Что ж, твой страх не принадлежит мне. Он всегда принадлежал тебе.

Кристабель не поняла.

— Я не хотел делать этого так рано, — сказал Око Зазеркалья. — Мисс, боюсь, ты ещё не готова.

Кристабель в зеркале — та, что олицетворяла страх, — всё ещё была опутана цепями и стояла на коленях в кровавой луже.

Прежде она боялась лишь своего погибшего мужа и Радоцвета Сикадира, который добивался её. Теперь же вокруг напуганной Кристабель появились ещё и бешенозвери с теневиками — одни из самых пугающих среди демонов.

Она плакала от ужаса, хотя сама вовсе не ощущала, что её сердце плачет. Вместо этого она громко умоляла Линя:

— Мой повелитель, я смогу!

Линь покосился на Моисея.

— «Мне кажется, она пока не может, — устало сказал он мысленным голосом своему

священнику. — Что ты ей наговорил?»

Перед посторонними Моисей всегда вёл себя подчёркнуто почтительно, но что он думал на самом деле, можно было понять только по внутреннему голосу.

— «Я наговорил? Ты посмотри внимательно — и скажи, наговорил ли. Я знаю, что ты не ждал от неё многого, считал, что ей бы просто жить да работать спокойно — и ладно. Но я пришёл и увидел: за ней следит и культ Искажения, и Общество Исследования Чумы Тёмного Солнца. При таком раскладе о спокойной жизни стоит забыть, — Моисей выдал целый поток мыслей. — Ваше высочество, если не закалять её сейчас — что ты сделаешь, когда случится настоящая опасность? Прилетишь из Шпиневилля?»

— «Эм...»

Линь прижал ладонь ко лбу.

Кристабель не видела выражения его лица, но всё равно почувствовала его сомнение.

Она не выдержала и спросила:

— Повелитель, я доставила вам беспокойство?

— Нет, — немедленно ответил Линь, а спустя мгновение добавил: — Это не так. Я просто думаю, что мы могли бы выбрать способ понадежнее...

Око Зазеркалья, кажется, задумался.

Через миг он сказал:

— Хорошо. Мисс, купи стеклянную бусину, которую можно носить с собой.

Кристабель повторила:

— Стеклян... стеклянную бусину?

— Да. Когда купишь — поговорим о твоём страхе. А сейчас тебя зовут в реальности. Просыпайся.

В зеркале-псише Око Зазеркалья поднял руку, и в ней появилась тусклая жемчужина. Жемчужина рассеялась словно мираж, и Кристабель почувствовала тёплую мягкую силу, которая слегка подтолкнула её — и после мгновения тьмы она вернулась в своё тело.

— Кристabelle? Кристabelle!

Голос Весполаро Хаски становился всё отчётливее. Она открыла глаза — и первым делом увидела ярко-голубые зрачки пёсолюдки.

Мысль о покупке стеклянной бусины мгновенно рассеялась. Кристabelle не удержалась и улыbnулась ей.

— Ты очнулась! Я так перепугалась! — Весполаро тоже улыbnулась, затем скривилась, вспоминая пережитое. — Я как открыла глаза, сразу увидела тебя — с ожогами, всю в бинтах, рядом со мной! Повезло — кровеплотяной целитель сказал, что обычные ожоги можно вылечить исцеляющим заклятием. А то как бы ты работала? И ещё — у тебя на ушке и на хвосте залысина... Это не мешает тебе выступать? Может, попробуешь мою мазь для роста шерсти? Алхимическая, кстати, работает вроде очень хорошо...

— Прости... ты не пришла за мной, и у меня тогда голова совсем не работала... — медленно сказала Кристabelle. Священник-русал уже объяснял ей, как нужно говорить после пробуждения. — Весполаро, ты ведь точно не ранена?

— Нет-нет! — хвост Весполаро радостно качнулся. — И ты тоже в порядке!

— О... — будто не до конца понимая, откликнулась Кристabelle, а потом вдруг вскинулась: — Ах! Малышка Нефрит!

— Ах! — так же подскочила Весполаро. — Малышка Нефрит!

Она дёрнулась, достала карманные часы, глянула на них — и её глаза округлились:

— Плохо! Мы так опоздали! Детсад-то ещё открыт?

— Я звонила в детсад... то есть... — Кристabelle смутилась. — Весполаро, можно ли у тебя одолжить немного денег... Воспитательница говорила, что за опоздание надо доплачивать...

— Конеч...

— Подождите, — вмешалась Крaстопь Уотербак, которая всё это время молча наблюдала. — Мисс Кристabelle, у меня имеются к вам вопросы.

Кристabelle резко осознала, что в палатке есть третий человек, и будто от испуга застыла.

Это было лучшим, что она могла показать, когда дело касалось «страха».

— Инквизитор Весполаро сказала, что после входа в дом она убила одного бешенозверя и двух теневигов, но при осмотре пожарища мы нашли в кухне ещё одного мёртвого бешенозверя. Скажите, видели ли вы живого демона, когда вошли в дом?

— ...Да, — безжизненно проговорила Кристабель.

Спустя мгновение она заметила, что Кростопь всё ещё ждёт продолжения, но не торопилась спрашивать дальше, чтобы не усугубить травму померанки.

Кристабель опустила глаза и медленно сказала:

— Я поддерживала Весполаро, когда мы выходили. Он появился, я бросила в него маленький нож, а потом обогнула его и побежала наружу...

Священник-русал говорил:

«Мои удары трезубцем не оставляют ран на существах реального мира, так что вот что ты должна сказать инквизитору».

В этот момент его голос совпал с голосом Кристабель.

— Не знаю почему, но он не погнался за мной.

***

— Ты и правда всему можешь научить, учитель Моисей.

Линь не знал, что ещё сказать.

— Разумеется. Всё, что знал настоящий Моисей, знаю и я, — во сне ответил Моисей Гуппи, являвшийся святым духом. — Ну что, как твоё тело себя чувствует?

— Полностью восстановилось, — Линь рухнул на кровать. — Только проголодался — пропустил три приёма пищи, получается. С полуночи спал до самой ночи следующего дня. Я давно так не высыпался.

Это было знакомое медицинское подразделение центрального отделения Инквизиции Шпиневилля, рядом стоял знакомый ночник.

Линь опёрся на подушку, снова сел и увидел на тумбочке поднос: остывшее мягкое пирожное, порция грибного супа и два сваренных вкрутую яйца.

На краю подноса обнаружилась приклеена записка.

«У тебя три дня отпуска. Просто отдыхай. Выздоровливай поскорее. Фельдграу».

— Верховный инквизитор приходил? — Линь удивился.

— Вот срань, это опасно, — выругался Моисей.

— И еду принёс. Он такой добрый.

Сказав это, Линь увидел, как Моисей уставился на него, так что он отвернулся, избегая взгляда.

— Ваше высочество, — пальцы Моисея хрустнули, — у кого-то из нас двоих проблемы с головой. Как думаешь, у кого?

— Со своими подчинёнными он действительно очень хорошо обращается, разве нет? — Линь, всё так же не смотря на русала, просто убрал записку и поставил поднос себе на колени. — Хватит об этом, учитель Моисей, у нас урок?

Моисей фыркнул.

Внезапно оба одновременно повернули головы к дверям палаты.

Там слышались шаги нескольких людей, которые вскоре остановились прямо за дверью.

— Похоже, не время для урока. Я пошёл, — с данными словами Моисей растворился, как песок на ветру.

Одновременно с этим раздался стук, и знакомый голос, появление которого Линь не ожидал, произнёс снаружи:

— Линь? Ты не спишь? Можно войти?

Линь ещё не успел ответить, как замок щёлкнул, и дверь резко открылась.

Вбежала маленькая фигурка и прыгнула прямо на кровать.

Линь успел поднять поднос — ещё чуть-чуть, и его сильно запоздалый ужин разлетелся бы по палате. А маленькая фигурка, прыгнувшая на кровать, уже лезла ему в объятия, всхлипывая.

— Хвостик?

Линь вернул поднос на тумбочку — хотя он был удивлён, рука сама легла девочке на спину, мягко похлопывая.

У двери прозвучал ещё один знакомый голос, рывкнувший:

— Заходи уже!

— Не толкай меня! — возмутился Аллет Вульпис. А позади него, толкавший его вперёд, был...

— Ректих? — Линь уже начал уставать. — Что вы здесь делаете?

— Пришли посмотреть, как выглядит человек, который неделю домой не возвращался! — Ректих Уайтмо специально говорил грубым голосом, но Линь знал, что это лишь для виду.

Последний раз Линь был дома во вторник, и тогда Ректих отсутствовал. Или правильнее сказать: он уже считался переехавшим — возвращался только по выходным.

Ректих Уайтмо, шестнадцати лет, тоже был мышелюдом, как и брат с сестрой Масима. Но по белой шерсти, белым ушам и гладкому розовому хвосту было видно, что он являлся белой лабораторной мышью, а не домашней мышью вроде масимских.

Хотя на Земле белая лабораторная мышь представляла из себя разновидность домашней мыши, Линь не знал, как эволюция шла в этом мире — когда существовала Мать Первозданной Крови, можно ли было применять здесь земную теорию эволюции? Как бы то ни было, никто не считал мышелюдов Уайтмо и Масима одним видом.

— Вот же... — Ректих, который по расовой природе должен был быть покладистым, оттолкнул Аллета, плюхнулся на стул у кровати и шлёпнул ладонью по ограждению кровати. — Этот лис сказал, что ты за неделю два раза попадал в больницу. Линь, ты же не пожертвовал опять своими глазами, да?

— Линь, — начал Аллет, вставая прямо, — почему ты не говорил, что твой брат связан с

бандой?

Эта суматоха казалась настолько нелепой, что даже улыбка Линя застыла.

Он глубоко вдохнул и сначала ответил Аллету:

— Какая банда? Он работает в компании по импорту-экспорту. Официальный сотрудник.

Аллет дёрнул уголком рта: компании по импорту-экспорту, расположенные на третьем и четвёртом уровнях, по сути, были обычными контрабандистскими группировками.

Линь его проигнорировал и сказал Ректиху:

— Это просто рана плюс простуда. Видишь? Тут лежат противовоспалительные.

— М-м...

Ректих бросил взгляд на упаковку с противовоспалительными, затем резко повернулся к Аллету, у которого от лжи Линя появилось странное выражение на лице.

Лисолюд застыл, даже шерсть на его рыжем хвосте встала дыбом. Но Ректих, глядя на него, протянул:

— Пра-авда?

— Зачем мне тебя обманывать? — невозмутимо сказал Линь, продолжая тихо похлопывать Хвостик по спине. Девочка дрожала всё меньше.

Линь сменил тему:

— Кстати, локдаун в центральном отделении уже отменили? Родственникам разрешили подниматься?

— С полудня, — Аллет забыл сменить выражение лица, так как отвечал на вопрос. — Хорошо, что погибших почти не было.

Хвостик, державшая Линя за одежду, резко вздрогнула от слова «погибших».

Она уткнулась лицом в грудь Линя ещё сильнее, и тот смерил Аллета взглядом.

Аллет, не понимающий, что не так сказал:

— ?

— Что? — Ректих распахнул глаза. — В центральном отделении были погибшие? Значит, слухи, что вчера культисты напали на отделение, — правда?

— Что? — подсознательно начал Аллет. — Нет, это были не куль...

Шлёп.

Линь смял записку верховного инквизитора в бумажный шарик и кинул. Бумажный шарик точно угодил Аллету в лоб, моментально оборвав поток его слов.

— Не суй нос в работу инквизиторов, — сказал он сначала Ректиху, затем нахмурился и посмотрел на Аллета: — Молодой господин, ты по дороге сюда случайно не сказал чего-нибудь лишнего?

Аллет задумался.

Его лицо стало красным, потом белым, потом синеватым.

— И почему вы вообще пришли вместе? — вздохнул Линь.

— Когда охрана разрешила нам подняться, мы с Хвостик не знали, куда идти, — ответил Ректих, жестикулируя. — Мы увидели его, когда он заканчивал смену. Я понял, что он твой коллега, и слегка пригрозил ему...

— Так, хватит, — Линь прижал ладонь к голове Ректиха, чтобы тот не произносил бандитских слов.

Затем он посмотрел на Аллета, улыбнулся и поблагодарил:

— Спасибо, что проводил, Аллет. Тебе ещё что-нибудь нужно?

— ... — Аллет поколебался, потом сказал: — Я пойду.

Лисолюд с рыжими волосами медленно вышел из палаты. Ректих дождался, пока тот исчезнет за углом, и повернулся к Линю:

— Он точно хотел с тобой о чём-то поговорить.

— Кажется, я внезапно стал для него человеком, которому можно доверять, — сказал Линь. Чтобы дети не начали расспрашивать его, почему он лежал в медблоке, он снова сменил тему: — Кстати, я получил премию — тысяча девятьсот!

Большая часть — награда, которую уступил ему заместитель верховного инквизитора, но говорить этого было не нужно.

— Тысяча девятьсот?! — Хвостик резко вскинула голову, широко раскрыв глаза.

— Тысяча девятьсот?! — Ректих вскрикнул. — Я продал лекарства, которые ты привёз из Содальвиля, и всего сотню заработал! А ты что сделал — уничтожил «Деву соцветья желаний»?

Явора Бенгаль в глазах граждан являлась страшной старой ведьмой, постоянный злодейкой Шпиневиля в байках для детей.

Награда за неё составляла полторы тысячи — достаточно, чтобы множество бедных молодых людей облизывались. Линь, вскоре после своего переноса в этот мир, тоже мечтал стать охотником за головами.

И вот — он действительно вместе с другими убил её и получил награду... Но, если слух дойдёт до культа Искажения, Линю и детям дома будет угрожать опасность.

— Сделал небольшой вклад для Инквизиции, — сказал Линь. — Скоро будет новая аттестация, думаю, повышусь.

Внутренняя система рангов Инквизиции существовала независимо от должностей. Новички, вступавшие в отделения, начинали с десятого ранга. После перевода в центральное отделение Линь получил повышение и стал девятым. Следующий ранг — восьмой.

И зарплата тоже вырастет. Это было куда важнее ранга.

— Если так... — тихо сказала Хвостик.

— То тридцать тысяч уже не за горами, — продолжил Ректих.

На самом деле до нужной суммы было ещё очень далеко, но в комнате всё равно распространилась радостная атмосфера.

— Если брат узнает, — медленно произнесла Хвостик, — он будет счастлив.

— Пятнуля тоже будет счастлив. И... Снежноцапка...

Радость словно застыла. В этой семье из шестерых бездомных детей именно Снежноцапка Койоти подобрала Линя — но она пропала уже как год.

Она исчезла бесследно, ни малейшей зацепки. Даже когда Линь вошёл в Инквизицию и смог использовать новые ресурсы, он не нашёл её.

В этом опасном мире Снежноцапка уже почти наверняка была мертва.

Но Ректих всё же продолжил:

— Хотя мы её пока не нашли, — он убеждал и Линя, и Хвостик, и себя самого, — но я верю, что с ней всё в порядке. Уверен, если бы она знала, то тоже бы обрадовалась.

***

— Снежноцапка! Снежноцапка!

— Что делать? Концентрация кислорода продолжала падать, она дольше не продержится...

<http://bllate.org/book/12612/1120002>